

Писатель Юрий Мамлеев — в интервью «Газете»

«Особенность русских — ставить перед собой фантастические цели и находить пути к их достижению»

Сегодня исполняется 75 лет Юрию Мамлееву — прозаику, поэту и философу, одному из самых крупных русских писателей, ветерану литературного андеграунда и лидеру целого культурного направления. Незадолго до этой знаменательной даты с Юрием Мамлеевым встретился корреспондент «Газеты» Кирилл Решетников.

Во всех ваших романах так или иначе присутствует фигура мистика, который ищет скрытое или транслирует его для других. Этот образ существенно меняется, эволюционирует от романа к роману. В каком направлении, по-вашему, происходит его эволюция?

Эта фигура не то чтобы меняется, скорее показаны люди, представляющие разные стороны мистического поиска. Если взять «Шатунов», то там деятельность главного героя, Федора Соннова, трудно назвать поиском. Это какое-то состояние, которое ведет его к абсолютному парадоксу — он убивает, чтобы понять вечность, как писала об этом американская пресса. И сам он — такой блуждающий шатун, медведь, который видит в нашем временном мире только жутковатую форму иллюзии, сновидения, и относится к этому миру соответствующим образом. Другое дело — Трофим Лохматов в «Другом». Это, с одной стороны, совершенно цельный, сильный российский человек, который может делать деньги из пустоты, а с другой стороны, это явно мистическая фигура. Но это не такой дикий, спонтанный мистик, как Соннов, — он вкладывает деньги в общину, в идею, которая, сколь бы безумной она ни казалась, имеет какие-то основания. Он замахивается на задачу фантастической трудности. Но, как кто-то писал на Западе, особенность русских — ставить перед собой фантастические цели и вместе с тем находить практические пути к их достижению. Это высказывание очень хорошо подходит к Лохматову. Конкретная идея, которую он хочет осуществить, — прорыв в параллельные миры. Причем прорыв фундаментальный — не в один из миров, а как бы в туннель к параллельным мирам. А даже в самый близкий к нам параллельный мир, который не так давно образовался — не будем уточнять, какой, — пробиться почти невозможно. В любом параллельном мире действует сила разумных существ, которые могут просто препятствовать проникновению, как в древности проникновению в наш мир препятствовали некоторые маги. Так вот, Лохматов — это не результат эволюции Соннова. Это совершенно разные типы.

В рассказе «Вечерние думы», написанном в 1990-е, и в совсем новом рассказе «Дела житейские» героями становятся профессиональные убийцы. Целый цикл рассказов получил название «Задумчивый киллер». Похоже, личность преступника представляет для вас особый интерес.

Да, конечно, представляет. Даже если речь идет о человеке, для которого убийство — просто

профессия, преступник все равно находится в пограничном состоянии, хотя он может этого не осознавать, превратившись в холодного монстра. Быть монстром человеку не свойственно. Значит, это какое-то такое интересное существо, которое вышло из человека.

Один из героев-преступников на пороге смерти видит некое Лицо, и смысл этого видения не очевиден.

Это знак того, что совершенное им оказывается — неожиданно для него самого, помимо его воли — туннелем в другое состояние. Ему показывают, что он может быть иным. С другой стороны, это говорит о том, что преступник тоже человек, что даже для холодных профессионалов, убивающих ради денег, может открыться какая-то дверца.

Когда читаешь ваши романы, часто кажется, что многие персонажи имеют вполне конкретные прототипы. Это так? Грубо говоря, может ли кто-нибудь себя узнать?

Смотря в каком романе. В «Московском гамбите» — конечно. Там очень много прототипов. Героев с прототипами можно встретить даже в «Шатунах».

Вас довольно много переводят. Но вот в «Шатунах», например, многое построено исключительно на языке. У любого русского читателя, на которого направлен этот языковой посыл, появляется еще один важный канал восприятия. В переводе это сохранить невозможно.

Да, моя французская переводчица Анна Колдефи говорила о том, что «Шатуны» особенно трудны для перевода. Тем не менее искусство перевода существует, и все можно как-то выразить. Анна говорит, что единственный писатель, которого почти невозможно адекватно перевести, — это Платонов. В «Шатунах» спасает сюжет, а также философские моменты — они переводятся.

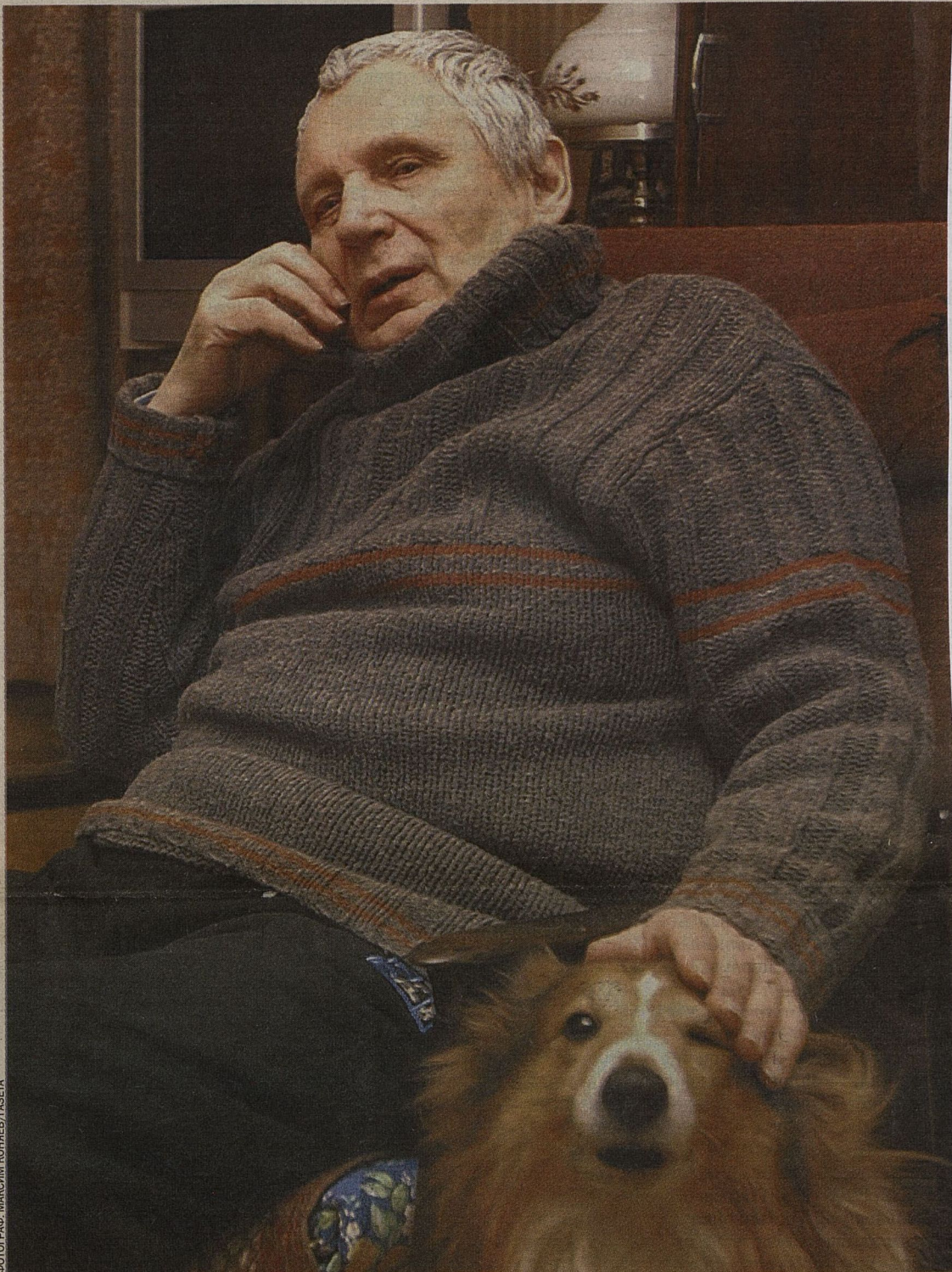
В английском переводе «Шатунов» еще и сократили.

В английском — да. Но не во французском и немецком. Сократили только американцы, потому что сочли, что мир не готов к этой книге, как было написано во внутренней рецензии.

В стилистике «Шатунов» просматривается, скажем так, некий платоновский «вектор» — не в смысле простого сходства, а в том смысле, что эта стилистика удивительным образом наследует платоновскому слогу, развивает его. Правда ли, что вы написали этот роман, не читая Платона?

Да, конечно. Платонова я прочел только в эмиграции. Дело в том, что здесь возникает такая же ситуация, как в математике, — существует единое поле математической реальности, и люди, не общающиеся друг с другом, могут двигаться в одном направлении.

Вы с давних пор были знакомы со множеством религиозных

и философских текстов, которые у нас в прежние времена не издавались. Каким образом формировался ваш круг чтения в тот период, когда многое почти невозможно было достать?

С источниками в 1960-х дело обстояло просто: к нам проникали книги на иностранных языках. Кроме того, сохранялись библиотеки у частных лиц. Да и в Ленинской библиотеке было много переводов древних авторов, вся античная философская литература была в открытом доступе. Так же, как и фундаментальный труд Радхакришны по индийской философии. Кроме того, много информации одно время проникало из закрытых фондов Ленинки. Кто-то получал пропуск, читал и потом рассказывал другим. Наконец, были просто лица, обладавшие какими-то знаниями. Так что, несмотря на советские запреты, все это доходило до нас через самые разнообразные каналы.

А как вы впервые познакомились с текстами Рене Генона?

Я не знаю, как они попали сюда, но я-то с ними познакомился на Западе — в переводах на английский. Там проблем не было. Я работал в Корнуэльском уни-

верситете, и там было много других интересных книг, в том числе целая библиотека книг из Индии.

Вы в общем придерживаетесь того взгляда, что мы живем в «профанном» мире, утратившем духовные и сакральные основы. Ваш опыт жизни на Западе подтверждает такое мнение?

Это общемировая тенденция, которая в той или иной степени проникла во все страны, и ни Запад, ни Россия здесь не составляют исключения. Цикл Кали-юги един для всего человечества, хотя проявляется по-разному, но возможность духовного возрождения в пределах этого цикла есть. И у России в этом плане огромные шансы.

Благодаря вам в литературе возникла школа метафизического реализма. Что вы думаете о ее перспективах?

Я возлагаю большие надежды на молодежь, представленную в сборнике «Равноденствие», где есть мое предисловие. Это поколение преодолело влияние как советской, так и антисоветской литературы. Это чисто российская молодежь. Особо я бы отметил Наталью Макееву и Николая Григорьева.

Вам приходится сталкиваться и с экзальтированной похвалой, и с огульной критикой. Выводит ли вас это из душевного равновесия?

Вы знаете, нет. К похвале я отношусь не как к оценке. Если похвала искренняя, то, значит, человек общен к моему искусству и к моему мировоззрению. Я часто наблюдаю, как мои вещи глубоко проникают в души людей, и это меня радует. Но это не касается моего места в ряду других писателей. Я понимаю эту экзальтацию просто как проявление любви, симпатии к моему творчеству, и все. Ну а что касается огульной критики, то она должна быть. Это нормально. Поэтому что такая литература не может не встречать непонимания. Толстой писал, что произведения, которые всем нравятся, — это вообще не литература.

Сейчас некоторые писатели вашего уровня стали фаворитами глянцевого культуры. Модные культуртрегеры подводят вас к своему, помещают в свой формат. Как вы к этому относитесь? Неплохо. Я думаю, что в нашей ситуации это нормально. В моем случае модный журнал ничего не искажает. ГАЗЕТА